

Мас-ин

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

«Лакейская беллетристика». «Наши люди», повѣсть г. Боборыкина. — «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка», г. Чехова. — «Стильный» разсказъ въ «Вѣстникѣ Европы» — Романъ Д. В. Аверкіева. — Д. В. Григоровичъ. Воспоминанія. — Къ «Недѣльному» юбилею. — Два слова г. Протопопову.

Отраднѣе зрѣлище человѣка, попавшаго, наконецъ, въ свою колею. Еще простому смертному попасть въ колею сравнительно не трудно, но писателю, однажды взявшему невѣрный тонъ, это уже гораздо труднѣе: развѣ поможетъ счастливый случай. Немногіе изъ нынѣшнихъ писателей выходятъ на свою дорогу; большинство же «въ пустынь міра блуждаетъ безъ цѣли и пріюта», блуждаетъ не то въ сонномъ видѣ, не то въ состояніи обалдѣнія.

Въ подобномъ грустномъ положеніи очень долго находился нашъ великолѣпный франко-русскій беллетристъ П. Д. Боборыкинъ: все онъ хотѣлъ что-то сказать и все у него ничего не выходило. Для безпристрастнаго читателя становилось ясно, что г. Боборыкинъ не владѣетъ своею мыслью въ должной степени и потому добрая половина мысли теряется, перемѣщаясь изъ головы на бумагу. Но вдругъ въ одинъ прекрасный день г. Боборыкина осѣнило. Онъ написалъ повѣсть: «Наши люди» — изъ лакейскаго быта. Повѣсть еще не окончена, но можно судить по началу, что она будетъ выдержанной повѣстью. Мысли автора, видимо, не разбѣгались на этотъ разъ; все, что г. Боборыкинъ думалъ, все это онъ изложилъ на бумагѣ. Большинство своихъ новыхъ думъ романистъ вложилъ въ уста выѣзднаго лакея, Виктора, и надо сказать правду — Викторъ обнаруживаетъ глубокомысліе, подчасъ даже чрезмѣрное для лакея. Особенно интересны его критическія замѣчанія по поводу представленія «Плодовъ просвѣщенія» свѣтскими любителями. Какая тонкость пониманія, какая глубина анализа! Самъ г. Флексеръ, котораго «тѣнь Шпинозы усыновила, философъ изъ гроба нарекла», не могъ бы съ бѣльшей проникательностью оцѣнить сатирическую комедію Толстаго. Въ тайную мысль сочинителя Викторъ прекрасно проникалъ. Тому хочется не однихъ сытыхъ баръ осрамить, но возвеличить мужичье, а такихъ, какъ онъ, показать лодырями; у него

въ пьесѣ такого именно сорта «выѣздной». Викторъ даже покраснѣлъ, когда тотъ вошелъ въ людскую за капустой для барышни: дѣлать тюрю. Ему показалось, что молодой баринъ, игравшій эту роль, похожъ на него и волосами, и ростомъ, и движеніями; фракъ на немъ также сидитъ. Ловко, спору нѣтъ, что пьянчуга-поваръ шипитъ на господъ и клянеть ихъ за бездушіе. Гноили его тридцать лѣтъ около плиты, а теперь онъ нищій и пропойца съ Хитрова рынка. Но и этого повара Викторъ не можетъ жалѣть, «какъ слѣдуетъ». На что онъ жалуется? Что пенсія ему нѣтъ? А дали бы ему, онъ, во-первыхъ, былъ бы такой же пьяница; во-вторыхъ, прославлялъ бы своихъ господъ. Всѣ бывшіе «дворовые» таковы, хвалятся только тѣмъ, у кого служили да кто отъ ихъ стряпни кушаль. И сцена, когда господа врываются въ людскую, распотѣшила его; онъ злобно вторилъ безпрестаннымъ взрывамъ смѣха, и въ креслахъ, и въ ложахъ. «Гогочуть» не одни мужчины: и барыни, положимъ, въ брилліантахъ и декольтѣ. Господская компанія, спустившаяся въ людскую, какъ есть, шуты гороховые. Точно въ циркѣ, гдѣ клоуны ворвутся въ кругъ и начнутъ кувыряться; только тѣ балаганятъ, а у этихъ баръ полный сурьезъ. И тутъ Викторъ проникъ въ подвохъ сочинителя: это ужъ не надъ одними господами онъ издѣвается, а и надъ ученостью. «Ему бы только мужичье обсахарить и поставить выше всѣхъ—и господъ, и городской нанятой прислуги». Такую «блажь» онъ отвергъ и счелъ ни съ чѣмъ несообразнымъ «озорствомъ». Совсѣмъ не смѣшно то, что господа «читаютъ книжки и боятся микробовъ, а подло то, что такіе «люди», какъ онъ, должны пресмыкаться въ ничтожествѣ».

Я привелъ только часть критическихъ соображеній Виктора по поводу комедіи Толстаго, но и дальнѣйшія соображенія не менѣе интересны и замѣчательны. Положительно перевоплотившись въ Виктора, г. Боборыкинъ сразу выросъ, сразу оформилъ и уяснилъ себѣ свое міросозерцаніе. Да проститъ мнѣ высокопочтенный беллетристъ нѣсколько грубое сравненіе, но я усматриваю большое сходство между нимъ и его героемъ, Викторомъ. Викторъ смотритъ на окружающій міръ съ запятокъ саней или съ козелъ кареты; чтó онъ разглядитъ изъ-за барскаго плеча, то и считаетъ дѣйствительно существующимъ, а прочее отвергаетъ, какъ фантазію. Г. Боборыкинъ также нѣкоторымъ образомъ созерцаетъ жизнь съ козелъ кареты или изъ окна желѣзнодорожнаго вагона, или стоя на рубкѣ парохода; онъ также лишь однимъ глазкомъ видитъ людей и такого же высокаго мнѣнія о своей одноглазой наблюдательности. Послѣ этого, не слѣдуетъ удивляться, если «Наши люди» окажутся удачнѣйшею повѣстью г. Боборыкина...

«Наши люди» печатаются въ «Русской Мысли»; тамъ же начатъ печатаніемъ «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка», г. Антона Чехова. Въ «Разсказѣ» г. Чехова, какъ и въ повѣсти г. Боборыкина, дѣйствуетъ лакей, но не настоящій, а лакей-самозванецъ. Этотъ самозванецъ—образованный человѣкъ, отставной лейтенантъ флота; поступилъ онъ въ лакеи къ одному петербургскому чиновнику «не ради него самого, а ради его отца, извѣстнаго государственнаго человѣка, котораго онъ считалъ серьезнымъ врагомъ своего дѣла». Лакей-самозванецъ «разсчитывалъ, что, живя у сына, по разговорамъ, которые услышитъ, и по бумагамъ, и запискамъ, какія будутъ находить на столѣ, онъ въ подробности изучитъ планы и намѣренія отца». На первыхъ же порахъ, самозванцу-лакею пришлось, однако, разочароваться. Баринъ вовсе не говорилъ о своемъ отцѣ и являвшіеся къ нему пріатели также точно не заводили рѣчи о дѣятельности государственнаго человѣка. Нужныхъ бумагъ и записокъ самозванцу не удалось вынюхать. Потерпѣвъ фіаско, онъ естественно долженъ былъ откланяться и уйти, но г. Чеховъ распорядился иначе: онъ приказалъ своему герою, невѣдомо для какихъ цѣлей, продолжать тянуть лакейскую лямку. Замыселъ автора, конечно, очень оригиналенъ, но въ немъ трудно не усмотрѣть элемента нелѣпости. Съ какой стати образованный человѣкъ, лейтенантъ флота, будетъ служить лакеемъ у какого-то шалопайничающаго петербургскаго бюрократа? Извѣстное стеченіе обстоятельствъ, нужда, потеря прежняго положенія еще могли заставить интеллигентнаго человѣка запрячься въ лакейское ярмо, но этихъ побудительныхъ причинъ г. Чеховъ не указываетъ. Еще въ послѣдствіи, когда у «барина» завязывается романъ съ замужней женщиной, для самозванца-лакея его «мѣсто» представляетъ нѣкоторый интересъ. Но вѣдь самозванецъ не могъ предвидѣть, что въ домѣ его барина разыграется любопытный романъ; стало быть, его пребываніе, послѣ того какъ онъ убѣдился, что «своего дѣла» онъ тутъ не сдѣлаетъ, ничѣмъ не оправдывается. Добавьте къ этому, что самозванецъ—чахоточный человѣкъ и, стало быть, ему особенно трудно играть свою роль, особенно трудно выносить ругань господина, нахальство горничной, тяготу лакейской службы, на которой подчасъ приходится «стоять» до четырехъ, до пяти часовъ утра.

Разсказъ г. Чехова еще не оконченъ и, можетъ быть, дальше авторъ дастъ какое нибудь болѣе или менѣе удачно придуманное объясненіе странныхъ поступковъ героя. Мы однако сомнѣваемся, чтобы это объясненіе было удовлетворительно. Нелѣпость, допущенная съ самаго начала, роковымъ образомъ останется нелѣпостью до конца. Какъ, на примѣръ, разрѣшить г. Чеховъ такой вопросъ: съ

герой поступает въ лакеи съ цѣлью вызнать что-то важное для «его дѣла». Ничего не вызнавъ, онъ остается лакеемъ и ведетъ совершенно безмысленную жизнь, очевидно забывъ о своемъ важномъ дѣлѣ. Но могло ли случиться нѣчто подобное, разъ дѣло дѣйствительно важное? Г. Чеховъ не обратилъ вниманія на эту сторону вопроса и весь предался измышленію всевозможныхъ неправдоподобныхъ эпизодовъ. Но, можетъ быть, г. Чеховъ заставилъ интеллигентнаго человѣка идти въ лакеи въ видахъ чисто техническихъ; можетъ быть, ему показалось удобнѣе вести рассказъ отъ перваго лица (лирическая форма легче объективной). Но въ такомъ случаѣ, почему же лицо, отъ имени котораго ведется рассказъ, — лакей? Право, тутъ даже оригинального мало. Нужно бросить скверную замашку наблюдать жизнь изъ лакейской и приурочивать явленія жизни къ лакейскому міросозерцанію. Для человѣка, сколько нибудь одареннаго воображеніемъ, не составитъ труда выдумать занятную, причудливую фабулу, особенно если пренебрегать дѣйствительностью; только замысловатая фабула, противная дѣйствительности, не можетъ служить порядочной канвой для художественнаго произведенія. Въ жизни могутъ происходить разные факты, порою весьма дикіе, нелѣпые, но эти факты ошибочно считать типичными: типичность предполагаетъ извѣстную повторяемость фактовъ, а каждый нелѣпый фактъ стоитъ въ жизни особнякомъ. Это все равно, какъ въ семейной жизни, по опредѣленію Толстаго: всѣ счастливыя семьи счастливы на одинъ ладъ; всѣ несчастныя несчастны по своему.

Впрочемъ, дождемся окончанія разсказа г. Чехова: небезынтересно, какъ выдетъ авторъ изъ запутаннаго положенія, созданнаго его изобрѣтательной, но не всегда дальновидной фантазіей.

Повѣсть г. Боборыкина и разсказъ г. Чехова несомнѣнно принадлежать къ числу произведеній съ большими претензіями; также претенціозенъ, хотя много ниже сортомъ, разсказъ нѣкого г. Ратищева, напечатанный въ двухъ первыхъ книжкахъ «Вѣстника Европы». Разсказъ называется «Quasi una fantasia—отвѣтъ въ разсказѣ» и навѣянъ «Крейцеровой сонатой» Толстаго. «Крейцера соната» вызвала немало подражаній (мы объ этомъ какъ-то говорили) и дальѣйшимъ подражателемъ грозитъ серьезная опасность: скоро всѣ сонаты и симфоніи Бетховена уйдутъ на заголовки «отвѣтовъ въ разсказахъ» и «разсказовъ въ отвѣтахъ». Разумѣется, авторъ «Quasi una fantasia» избралъ лирическую форму. Она весьма удобна, потому что даетъ возможность «разсуждать» безъ конца и замѣнять образы болтовней. Г. Ратищевъ болтаетъ охотно, болтаетъ обо всемъ съ развязностью фельетониста, не бойкаго, но воображающаго себя <...>

К-ский
<К. Ратищевъ>